

Юлий Исаевич Айхенвальд

Федор Сологуб

Силуэты русских писателей

Юлий Айхенвальд

Федор Сологуб

«Public Domain»

1914

Айхенвальд Ю. И.

Федор Сологуб / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1914 — (Силуэты русских писателей)

«Нет внутренней обязательности в том, чтобы стихотворения Сологуба были именно стихотворениями. Они по духу своему не оправдывают своей формы, они большей частью лишены, чужды живой образности, но зато проникнуты холодной красотой безнадежной мысли и жутким звоном звенит их отточенный клинок...»

Юлий Исаевич Айхенвальд Федор Сологуб

Нет внутренней обязательности в том, чтобы стихотворения Сологуба были именно стихотворениями. Они по духу своему не оправдывают своей формы, они большей частью лишены, чужды живой образности, но зато проникнуты холодной красотой безнадежной мысли и жутким звоном звенит их отточенный клинок.

В самой форме человеческого стиха есть что-то мироутверждающее; стих сам по себе – это уже оптимизм, признание вечных ценностей и красоты; стихом приобщает себя поэт к изначальной гармонии сфер и в стройную музыку жизни привносит свою ноту, собою дополняет общий концерт бытия. Властитель ритма, слагатель рифм не только соглашается с творчеством Бога, но и продолжает его. На всяческую прозу, внешнюю и внутреннюю, мы вынуждены и обречены, ею говорим поневоле, в ней мы неповинны, и если удовлетворяемся ею, этим скудным орудием повседневности, то это и значит, что мы от мира ничего не хотим, ничего не ждем и только плетемся по дороге, на которую нас послало чье-то неведомое повеление. Проза – это сила инерции; проза – это покорность и пессимизм; с нее и нельзя много спрашивать; на ее языке говорят рабы, безропотные исполнители чужого поручения. Но если, не довольствуясь ею, ее отвергая, мы по собственному изволению начинаем писать стихи, то это значит, что мы благоговейно приняли мир, склонились молитвенно перед святынями его храма и готовы воспеть ему свои особые псалмы. Поэзия – это почин; но разве пессимист начинает, разве не в том его темная сущность, что он раз навсегда отказывается от инициативы и опускается в мертвые воды глубокого равнодушия? Пессимист не продолжает; его не влечет и не тешит новое, и потому его стихия – проза. Стихами же, в прозрении идеала, над миром духовно воздвигается мир другой. В них может быть, конечно, отчаяние, и скорбь, и насмешка, но в основе их непременно лежит утверждение, и самое ядро их – непременно живое. Ибо поэзия – это жизнь и проза – это смерть.

Вот почему замечательные стихотворения Сологуба производят сильное впечатление своей сокровенной противоречивостью: они – стихи смерти. Зачем понадобилась смерти поэзия? И то, что автор не механически слил, а, по крайней мере, сделал попытку синтезировать живое и мертвое, то, что у него с жизнью смерть переплела свои жесткие, свои жуткие нити, – это и составляет существенный признак его своеобразного творчества. И, может быть, именно потому в его стихотворениях есть неумолимая законченность; беспощадно сжаты, одновременно просты и торжественны, зловещи и скупы его четкие и умные строки, и он больше ни слова не скажет, не пояснит, избегает дополнений, и даже потенциально не открываются здесь дальнейшие перспективы – их и нет: все заклято, очерчено, заколдовано. Живое бесконечно, мертвое ограничено. Законченности смерти не может одолеть никто.

В чертоге смерти у Сологуба нельзя искать первых элементарных чувств, поэтической свежести сердца. Если какая-нибудь первобытная, ранняя эмоция, утренняя заря духа, все-таки проникнет в его стихотворения, то лишь после того, как она пройдет через горнило сложности, рефлексии, моральной усталости: это возвращается на родину блудный сын, но только нет у него уже той психологии, которая позволила бы ему встретить родину в ее наивной красоте, в ее младенческом обаянии. Может быть возвращенный рай, но не может быть возвращенного Адама: будет Адам уже не прежний, и мир будет расстилаться перед ним другой, и он потеряет своего Бога, перестанет молиться Ему в детской чистоте помыслов. Сологуб – именно поэт небожьего мира. Он утратил способность молитвы, и безнадежно пожелтели, закрылись для него когда-то заветные страницы молитвенника:

Опять сияние в лампаде,

Но не могу склонить колен.
Ликует Бог в надзвездном граде,
А мой удел – унылый плен.
С иконы темной безучастно
Глаза суровые глядят.
Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние молчат, —
И пожелтые страницы,
Заветы строгие храня,
Как безнадежные гробницы,
Уже не смотрят на меня.

Даже цветы в его стихотворении ропщут на себя за то, что они служат молебны и пред Господом ладан кадят: зачем курить благоухания земли, мировой ладан, Тому, Кто позабыл о мире и от творческих дел опочил?

Не хочет жизни Бог,
И жизнь не хочет Бога.

В противоположность Лейбницу Сологуб верит не в предустановленную гармонию, а в предустановленную дисгармонию. Ветхий Адам, человек безмерной старости, глубоких утомлений и томлений, он давно разочаровался в том, что, говоря его же словами, можно достигнуть земли, «вотще обетованной», обманно обетованной, что когда-нибудь пилигриму станет близок его святой Иерусалим. И в другую сторону от Иерусалима, вспять пошел Сологуб, поэт небожьего мира, жрец предустановленной дисгармонии. И потому искажена всякая любовь его, и злою силой, мечом отравленным пронзены у него каждое чувство и каждый образ. Он любит, например, детей, «блаженно-невинных детей», истоки жизни, и тихо напевает о них; но вслушайтесь, и это окажется «простою песенкой», страшно непростою песенкой о том, как

Под остриями
Вражеских пик
Светик убитый,
Светик убитый поник.
Маленький мальчик,
Миленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.
Били, стреляли,
Ты не бежал,
Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.
Конь офицера
Вражеских сил
Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступил.
Маленький мальчик,
Миленький мой,
Ты не вернешься,

Ты не вернешься домой.

Когда он убаюкивает ребенка лунной колыбельной, то кажется, что у колыбели стоит Мефистофель и поет свою губительную серенаду, свое баюшки-баю о тех, про кого умалчивают детям и мать, и ангел-хранитель, о тех, кто не выдерживает жизни и топится в реке, о тех, кто «поникнет и не крикнет, и не пикнет, и поникнет в глубину». Или когда к младенцу придет сон, то сестра сна, та, имени которой не хочет называть Ночь в сказке Метерлинка, будет стоять у окна и шептать: «я приду», – усталая, больная, оттого что она целый день косила; значит, смерть больная, но не умирающая, смерть бессмертная, просит помощи у брата-сна, т. е. чтобы он за нее сделал ее дело и сам навеки усыпил ребенка; ибо завистливой вечности отдает ребенок ту каплю, которую он хотел было испить; не брезгает вечность отнимать у младенца и посылает за ним скорую смерть – недолго будет посланная дожидаться у окна: для ребенка умирающего так коротко расстояние между началом и концом, между альфой и омегой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.